

А.Н. МОСЕЙКО

Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира

Статья 1

К постановке вопроса

Русское рассеяние по планете – “русский мир”, как его теперь называют, – стало фактором не только русской, но и мировой истории, а также важнейшим феноменом диалога цивилизаций. Русское присутствие обнаруживается на всех континентах, в большинстве стран мира: в Европе и Азии, в Китае и Австралии, в США и Канаде, в Латинской Америке и Африке.

Русское рассеяние – явление глобальное, крайне сложное и многообразное, включающее в себя аспекты социокультурные и социопсихологические, национально-этнические и религиозные, экономические и географические, политические и военные. Однако все эти аспекты – составная часть сферы эмигрантской повседневности (“мира повседневности”, “жизненного мира”, культуры повседневности), проявление пограничной культурной реальности, в которой разворачивалась обыденная жизнь эмигрантов из России.

Проблематика философии и истории повседневности сформировалась в 1960-х гг. и сосредоточилась на исследовании “реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира” [Пушкарева]. Концепт “жизненный мир” создал основатель феноменологии Э. Гуссерль. Его ученик А. Шютц определил сферу повседневности как мир человеческой непосредственности, чувствования, стремления, фантазирования, сомнения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. Он считал повседневность “верховой реальностью”, ибо человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Более того, повседневность является для человека “горизонтом” всех его целей, проектов, интересов [Шютц, 1988, с. 129–137]. Повседневность, – писал Шютц, – это мир, в котором “мы как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою

Мосейко Аида Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

очередь, подвергаются нашему воздействию” [Schütz, 1966, p. 116]. Повседневность представляет собой мир культуры, который «мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению, потому что “уже данное” отсылает человека к его собственной деятельности и к деятельности других, осадком которой оно является» [Schütz, 1962, p. 133].

История повседневности стала развиваться по двум разным направлениям. Первое, связанное со школой “Анналов”, уделяло основное внимание истории ментальностей, представлений о нормах и привычках больших групп людей, а второе, итальяно-германское, пополнившееся американцами, – истории уникального опыта индивидов и групп людей, то есть микроистории (*Alltagsgeschichte*). В данной статье история повседневности понимается в обоих смыслах – и как производное нормативов русской культуры, и как описание специфики практик эмигрантской культуры (воспитания, познания, труда, власти) и отдельных ее представителей в их взаимодействии с инокультурными сообществами.

Культура повседневности – категория историческая, что проявляется прежде всего в соотношении настоящего с прошлым и будущим. Она развивается как во внутреннем диалоге, так и в диалоге по отношению к другим повседневностям. По мысли В. Библера, здесь можно подразумевать “общую способность каждой культуры отстраняться от самой себя, не совпадать с собой, быть диалогичной по отношению к себе самой и – именно потому – быть диалогичной по отношению к иным культурам” [Библер, 1989, с. 29]. Взаимодействие культур раскрывает сущность культуры повседневности. Не случайно американский социолог Г. Гарфинкель в своей концепции этнометодологии предложил искусственно создавать “антропологически чуждую” среду, чтобы путем нарушения привычного хода событий – провоцирования культуры повседневности – выявлять сокровенные механизмы ее устройства [Garfinkel, 1967].

В каждой культуре повседневности идет постоянный внутренний диалог: личности с самой собой и с группой, диалог прошлого и настоящего, традиций и инноваций, отцов и детей, мужчин и женщин. И одновременно (в частности, в российской культуре) – диалог соприкасающихся повседневностей: православных и мусульман, помещиков и крестьян, казаков-станичников и деревенских жителей. Главное – диалог происходит на уровне осмысления различных форм жизнедеятельности участвующих сторон. В этом случае, как правило, свои обычаи, нормы, стили, пристрастия воспринимаются как эталонные, а по отношению к оппоненту возможны неприятие, насмешка, отвращение, равнодушие, или – заинтересованность, одобрение, восхищение, заимствование (вынужденное или желанное). В диалоге культур повседневностей первоначальное отталкивание часто сменяется взаимной заинтересованностью, которая в дальнейшем может обернуться разочарованием, ибо диалог – процесс бесконечный, подверженный различным влияниям.

Это весьма драматичный процесс. Философ Ф. Анкерсмит связывал особенности истории повседневности с “превращением знакомого в незнакомое”, известного по опыту (для эмигранта это Запад или Россия дореволюционных времен), в полностью неизвестное (Россия, где правят большевики, Запад, где нужно не отдыхать, а выживать). Он ассоциировал это с фрейдовским понятием *жуткого* как предпосылкой ностальгии. Происходит “удвоение, деление и обменивание самого себя”. В ходе этого процесса возникает «странная независимость от того, что, по нашему мнению, должно быть частью нас самих, нашей “естественной” идентичности, нашего *Heim* (дома), но не является таковым... Мир повернулся к нам спиной и не приглашает нас быть частью его... Реальность, которая была частью нашей жизни, внезапно стала независимой от нас... чужой и намеревается жить собственной жизнью вне нас». Такого рода реальность нельзя подвергнуть последовательной историзации, она принадлежит сфере не “прекрасного” (логически упорядоченного), а “возвышенного” (то есть принципиально не укладывающегося в схемы, интеллектуально до конца не осваиваемого), то есть мифологического исторического опыта [Анкерсмит, 2009, с. 381].

Моей темой является история весьма экзотического опыта ограниченной по численности группы людей, носителей привычек идеалов и норм, непривычных для мест, где они оказались. Однако вместе с тем это далеко не только “история снизу” или “история маленького человека”, как часто понимают историю повседневности. Это также и история великих и стойких русских людей, которые, находясь в труднейшей ситуации, сумели оказать влияние на культуру разных стран, в том числе на мировую культуру. Предпосылку этого можно видеть в их бережном отношении к традициям повседневности родной страны. Об этом писал Э. Голлербах: «В основе культурности лежит глубоко осознанное уважение к “повседневности” или, вернее, бессознательное прозрение высокой сущности “будничной” жизни» [Голлербах, 1998, с. 415].

Для уточнения содержания понятия “повседневность”, по моему мнению, продуктивно обратиться к выяснению содержания понятия “субкультура”. Субкультура (подсистема культуры) понимается как коммуникативная система, воспроизводящаяся во времени и отражающая специфику ее носителей. Модель субкультуры включает социальный уровень: связи (их типы, конфигурации) и сообщества (структуры), а также стереотипы поведения, нормы, обычаи, ритуалы; знаковый уровень: культурный код – ментальность, символика, мифология, картина мира [Щепанская, 2003, с. 28–31]. В культуре повседневности происходит постоянное взаимодействие неинтенционального “быта” с той или иной интенциональной формой “высокой” культуры, которая воздействует на нравственные и ценностные установки, на картину мира через прессу и литературу, характер связей и сообществ.

В мире повседневности реализуются соприкосновение, столкновение, диалог цивилизаций – в данном случае российской – с цивилизациями стран рассеяния. Организация своего “жизненного мира” в недрах иной культуры повседневности – для эмигранта всегда потрясение, психическая травма, культурный шок. Однако следом разворачиваются процессы аккультурации, которые включают в себя как монологические варианты – *ассимиляцию* или *сепарацию* (поглощение доминантной культурой или ее полное отторжение), так и их диалогическую альтернативу – *интеграцию*, то есть двойную идентификацию как со своей культурой, так и (в той или иной мере) с культурой принимающей стороны [Ионцев... 2001, с. 151, 159]. Последняя наиболее продуктивна для взаимовлияний культур и миров повседневности.

Жизнь русских эмигрантов в Европе

Эмигранты послереволюционной волны адаптировались на чужбине чаще всего по типу *сепарации*, то есть изоляции от местного общества. Они стремились в своей повседневной жизни сформировать анклав Зарубежной России с единым языком, культурой, бытовыми привычками и формами жизнеустройства. Исследователь русской эмиграции М. Назаров среди главных задач “первой волны” называл: сохранение традиций России, ее национального самосознания, ее исторической памяти; усиленную помощь силам сопротивления в большевистской России, прежде всего деятелям культуры; осмысление революции и всего трагического опыта XX в. [Ионцев... 2001, с. 225–226]. Для эмиграции второй и третьей волн, напротив, более приемлемой стала добровольная культурная ассимиляция в стране проживания, стремление освоиться в господствующей культуре повседневности, по возможности не выделяться из нее. Но и в условиях “первой волны” оказывалось возможным влиять на культуру принимающей страны.

Наиболее характерный и яркий образ русского присутствия в мире формировался в 1920-е гг., его становление облегчало то, что практически во всех европейских странах, а позже в США, Канаде, Австралии, Латинской Америке, Африке после Первой мировой войны мир повседневности в массовом порядке включал в себя опыт людей инокультурного происхождения, другого языка, бытовых навыков, психологических особенностей. Наряду со многими другими внутри мира повседневности принимаю-

ших стран оформился и русский мир повседневности как особая культура быта и особое ментальное пространство, обогащающее мировую культуру.

Наибольшие возможности предоставляла столица русского расселения – Париж, где в 1920-е гг. проживали до 50 тыс. эмигрантов из России. Именно там формируется центр виртуального государства – Русского зарубежья, или Русского мира, которое пыталось воспроизвести признаки политики, общества и культуры имперского уровня. В Париже еще сохранялось посольство прежней России во главе с послом – кадетом В. Маклаковым. Там собиралась ассамблея бывших членов Учредительного собрания, которая в 1924 г. создает Русский эмигрантский комитет, занимающийся делами русских беженцев, и выступала в роли главного посредника в переговорах с Лигой Наций для легализации Зарубежной России. Политические деятели дореволюционной России вынашивали планы создания “общества в изгнании” – копию дореволюционного российского общества, однако этим планам не суждено было сбыться. Зарубежный съезд в апреле 1920 г., целью которого было создание “Генеральных штатов эмиграции”, в итоге провалился. С этого времени политика как способ устройства жизни русских за границей отходит на задний план. А главное внимание общественности эмигрантского сообщества сосредоточивалось на организации повседневной жизни – благотворительной деятельности, образования, просвещения, развития и распространения русской культуры [Менегальдо, 2001, с. 40–45].

Беженцы из России жили, как правило, изолированно, воссоздавая собственные жизненные миры со своими бытовыми привычками, обычаями, укладом жизни, своими надеждами, ожиданиями, огорчениями, фантазиями, мифами. В Париже образовались районы, густо заселенные русскими эмигрантами, например квартал Пасси, кварталы на левом берегу Сены, в предместье Бианкур, где находились крупные заводы и киностудии – “Сине-Франс” и русское кинопредприятие “Альбатрос”. Н. Тэффи в рассказе “Городок” пишет о русском городке в Париже: “Окружали его не поля, не леса, не долины – окружали его улицы самой блестящей столицы мира с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои” [Тэффи, 1927, с. 5]. В “городке” на Сене по соседству жили царские офицеры и махновцы, а также сионисты во главе с поэтом и публицистом В. Жаботинским, который утверждал, что “Россия давно стала нам чужой”, но не порывал с русским эмигрантским обществом и до зари просиживал в кафе “Куполь”, беседуя с И. Буниным и В. Набоковым (Сириным). Вся былая Россия собралась в русском Париже: представители родовитых дворянских семей, разоренные революцией промышленники, ученые с мировым именем, сановники и дипломаты, писатели, поэты, художники, музыканты, священнослужители и рабочие [Зверев, 2003, с. 9–10].

Организовывались школы и церковные приходы. Обучение детей русскому языку, русской литературе и истории считалось первоочередным делом. По просьбе Русского рабочего союза, созданного во Франции, в одном из барачков в Бианкуре начинают действовать православная церковь и православный приход. В церкви каждую неделю организуются лекции, на которые приходит много народа. Церковные приходы создают для нуждающихся народные столовые, приюты для престарелых, сирот, больницы, оказывают денежную помощь, организуя сбор пожертвований [Ионцев... 2001, с. 458–459]. Эмигранты открывают бакалейные лавки, рестораны, книжный магазин, кабинет дантиста, клинику, прачечную. В здании одного из ресторанов работает филиал Русского народного университета. Для детей, которые не помнили Россию, родители старались в местах поселения воссоздать уголок Родины – с запахами кваса и соленых огурцов, которые доносятся из магазинов с русскими вывесками, с цветущей на окраине города сиренью.

Русские брались за любую работу – грузчиками, дворниками, лакеями, официантами, швейцарами, санитарями, таксистами. В Париже, например, было несколько тысяч русских таксистов. Ими становились бывшие военные, люди интеллигентных профессий, даже знать. Таксистом, например, работал известный писатель

Г. Газданов, который в своей автобиографической повести “Ночные дороги” рассказал о русских таксистах [Газданов, 1952]. Хорошо воспитанные, учтивые русские таксисты, способные рассказать о достопримечательностях и поддержать разговор, стали в Париже приметой времени. Они оказали большое влияние на корпоративную культуру парижских таксистов, обогатили ее новыми традициями, вслед за ними многие изучали историю парижских улиц и зданий. При этом следует отметить, что, работая в сфере услуг, на тяжелых непрестижных работах, русские эмигранты чувствовали себя униженными и скрывали свои воинские звания, титулы, настоящие профессии. Одна немецкая газета с удивлением сообщила, что у крестьянина много лет батрачил русский эмигрант, и только после его смерти из документов выяснилось, что он был генералом. Попав в тяжелое положение, несовместимое с воинской честью, он не захотел раскрыть свой статус [Тарусский, 1938].

Повседневность русских эмигрантов не выстраивалась как целое, она распадалась на неслиянные социальные и культурные составляющие. Эмигранты жили как бы двойной жизнью: днем тяжелая, часто унижительная работа, а после нее, вечерами в маленьких кафе они снова становились генералами, помещиками, общественными деятелями, писателями, людьми подлинного статуса среди представителей своего круга.

При этом русские аристократки не считали для себя унижительным работу манекенщиц, вышивальщиц, швей, вязальщиц. Будучи в Париже я побывала в гостях у преподавательницы Сорбонны, которая жила на левом берегу Сены всю жизнь, как и ее родители. Она рассказала, как непросто складывались отношения обитателей квартала с новыми соседями – русскими, которые своей необычностью, непривычным поведением, кажущимся высокомерием вызывали неприязнь и раздражение. Однако постепенно французы прониклись уважением к достоинству, с каким русские переносили нужду, их трудолюбие. Русские открывали маленькие мастерские – швейные, вязальные, ремонтные, крохотные столовые, где трудились с утра до ночи, магазины кустарных промыслов. Русское присутствие в Париже, русский тон, стиль постепенно завоевывали общественное мнение. В Париже, а потом и во всем западном мире, в США распространилась мода на все русское: одежду, особенно кокошники, украшения, казацкие сапоги, произведения прикладного и высокого искусства.

Истоки быстрого роста признания русского художественного стиля можно найти в Дягилевских сезонах 1909–1913 гг., продолжившихся затем вплоть до 1929 г., в рамках которых М. Тенишевой организовывались выставки русского искусства. Признаками русского стиля были как славянские, так и восточные и античные мотивы, привнесенные художниками дягилевского балета, а также изысканность и утонченный вкус – вклад русской аристократии.

В 1920–1930-е гг. в Париже стали открываться русские дома моды, пользовавшейся большой популярностью, где работали только русские белошвейки, вышивальщицы, вязальщицы, швеи, кружевницы. Это, например, дом вышивки “Катмир”, основанный великой княгиней М. Романовой, с которым сотрудничали дом “Шанель” и другие дома моды, дом моды “Тао”, основанный княжной М. Трубецкой, М. Анненковой и княгиней Л. Оболенской, дом моды ИрФе, основанный в 1924 г. княгиней И. Юсуповой и князем Ф. Юсуповым [Васильев, 2006, с. 9, 151].

Дом моды ИрФе пользовался в это время большим успехом, Юсуповым удается добиться невозможного: завоевать уважение, авторитет и клиентуру в стране, слышущей законодательницей мод. На волне успеха они открывают филиалы ИрФе в Лондоне и Берлине. Персонал ИрФе полностью состоит из русских эмигрантов, у них работают и русские художники, например Маревна (М. Воробьева-Стебельская), которая расписывает русские шали, пояса – кушаки, вызывающие восторг у парижан. Всего в производстве готового платья в Париже было занято более 3 тыс. русских, в основном женщин: это был основной заработок и для аристократок, и для молодых писательниц, и для жен деятелей литературы и искусства. Э. Триоле создавала ожерелья для домов моды, Н. Берберова вышивала крестом, а жена Р. Гуля вязала по заказу

модельеров. Эмигрантки с иронией говорили о своем “деклассировании”, и к клише “русские князья-таксисты”, прибавилось: “русские аристократки-швей”.

На пике моды на все русское в Париже и других столицах стали открываться рестораны и кабаре, где все было выдержано в русском стиле: кухня, убранство, бала-лаечники и цыганские ансамбли. Ресторанно-кабаретный песенный жанр в России получил развитие еще в XIX в. и особенно в эпоху Серебряного века. В период русского рассеяния этот жанр распространился в местах проживания эмигрантов, прежде всего в Париже. С 1922 г. в районах Пигаль¹–Клиши–Монмартр–Монпарнас один за другим открываются русские рестораны и кабаре: “Тройка”, “Яр”, “Русское бистро”, “Домик русских артистов”, “Московский Эрмитаж”, “Кавказский погребок”, “Черная роза”, в которых выступали цыганский хор Д. Полякова с солисткой, знаменитой Настей Поляковой, известные еще в дореволюционной России артисты И. Кремер, А. Вертинский, А. Масальская, Ю. Морфесси. Русские рестораны и кабаре, которых в Париже было более ста, пользовались невероятным успехом, романтическая атмосфера русского ночного праздника привлекала огромное количество парижан и гостей столицы. Посетителей притягивала не только русская экзотика, но и первоклассная кухня, блестящие эстрадные программы. Не случайно в 1924 г. два русских повара – А. Рыжиков и Ф. Корнилов получили высочайшие награды “Первый кулинар Франции” [Васильев, 2003, с. 12–15].

Наивысшего успеха достигли в 1926–1927 гг. русские кабаре “Казанова”, названное в честь знаменитого немого фильма с И. Мозжухиным в главной роли, и “Шехерезада” – по имени известного балета М. Фокина. Декорировал “Шехерезаду” художник театра и кино Б. Билинский. В 1927 г. в Париж эмигрирует семья цыган Дмитриевичей, которая пользуется в Париже невероятным успехом. Русско-эмигрантская кабаре-песня стала важнейшим элементом эмигрантской массовой культуры. Причем уровень ее был не ниже уровня, задаваемого французской элитарной культурой, а по многим параметрам эта культура была связана и переплетена с элитарной. Эмигрантская массовая культура, особенно песня, служила способом самовыражения, была эмоциональной разрядкой, выполняла роль своеобразного эмигрантского фольклора. Что значило, например, “Эмигрантское танго”, которое исполнял в грустно-насмешливой манере А. Дмитриевич:

Мы открывали где-то рестораны,
Изобрели какой-то аппарат.
Носили с голоду газетные рекламы –
В Константинополе –
И жен своих сдавали напрокат.
Мой брат в Иркутске – сторожем в больнице,
Отец в Ирландии в артели рыбаков,
Сестра газетчицей уж больше года в Ницце...

В этой песне вся эмигрантская жизнь – рестораны и аппараты, изобретенные русскими инженерами-эмигрантами (вертолет И. Сикорского, телевизор В. Зворыкина), разбросанные семьи и сосланные родственники в СССР [Лопато, 2003, с. 72–73].

Следует отметить, что массовое кабаре-песенное искусство не было отделено стеной от классического вокального. Одни и те же русские романсы исполнялись в кабаре, в концертных залах и на домашних вечерах и концертах, причем и публика, и исполнители часто были одними и теми же. Знаменитый Ф. Шаляпин мог спеть в русском ресторане, а Вертинского, Полякову, Масальскую, Кремер приглашали на концертные сцены.

Огромной популярностью пользовался в Париже, а затем и во всем мире хор донских казаков С. Жарова, церковный хор Н. Афонского, группа кубанских джигитов под руководством генерала Павличенко и есаула Сиволобова. И хоры, и джигиты вскоре заинтересовали кинопродюсеров Голливуда, с которым были подписаны контракты.

¹ Улица Пигаль в то время еще не была районом “красных фонарей”.

Особенно глубокое воздействие на мировую культуру оказал русский балет – школы А. Павловой, М. Кшесинской, Дж. Баланчина, С. Лифаря. Последний утверждал: “Мировой балет всей первой половины XX века есть создание сил русской эмиграции” [Ковалевский, 1971, с. 288]. Русская писательница-эмигрантка Е. Менегальдо (урожденная Пашутинская) написала, что “происходит настоящая экспансия самобытной русской культуры. Иногда наперекор всем и вся. Но чаще всего она откликается на запросы принявшего ее под свой кров общества...” [Менегальдо, 2001, с. 45].

Мода на все русское не спасала эмигрантов от нищеты. В 1931 г. разоряется даже ИрФе – один из самых популярных русских домов моды, из-за кризиса разоряются и закрываются рестораны, магазины, и снова тысячи людей оказываются без средств к существованию. А помощь можно ждать только от своих, которые и сами едва сводят концы с концами. Бедствуют М. Цветаева, семья Б. Зайцева, Бунины, в нищете умирает В. Ходасевич.

В то же время воздействие русской культуры, русского стиля, русского присутствия вообще на европейцев, их культуру повседневности продолжается. Русские повлияли на художественные вкусы, модные тенденции в одежде, даже на кулинарные пристрастия, не говоря уже о воздействии русской классической литературы, театра, балета. Но до настоящего диалога культур было еще далеко. Если обратиться к представлениям, утвердившимся в народе, то для среднего западного человека, “русский белый” (эмигрант) и по сей день ассоциируется с цыганско-кавказским праздником под крышей “русского кабаре”, или с водкой, матрешками, расписными шальями, то есть с русской экзотикой. Этот расплывчатый, неопределенный, часто деформированный образ русского мало способствует подлинному диалогу культур, который возможен только при равных условиях для обеих сторон. Реальная жизнь русских на самом деле мало кого интересовала на Западе и в прошлом, и сегодня.

Фактически довоенная французская массовая литература с удовольствием эксплуатировала русские персонажи, зачастую использовала их как забавные экзотические маски, навязывая обществу стереотипы, которые живут в коллективной памяти и по сей день. Современный исследователь И. Репитон в работе “Французское общественное мнение и русские эмигранты 1920–1939 гг.” проанализировала 25 романов, рассказов, театральных пьес того времени. Она утверждает, что авторы этих произведений улавливали чисто внешние черты жизни русских эмигрантов, которые отличали их от прочих иностранцев. Наиболее типичная для русских беженцев судьба рабочего на заводе Рено их не интересовала, все они лепили совершенно искаженный образ русской эмиграции [Менегальдо, 2001, с. 51]. Особенно привлекал бульварных писателей образ деклассированности “все потерявших эмигрантов”, прежде всего образ князя-таксиста.

Русский таксист в Париже, кстати, был важной фигурой и в мире эмигрантской повседневности. Он распространял новости, мог оказать помощь захмелевшему земляку и не только довести его, но и проводить до двери, мог помочь отправить заболевшего в больницу, привезти врача или священника. А чего стоит рассказ Менегальдо об одном русском таксисте (не князе, не генерале, не писателе), который, живя в дешевой меблированной комнатке, все заработанные деньги тратил на приобретение редких русских книг, чтобы “сберечь их для России”. Он собрал библиотеку из полутора тысяч ценных изданий.

Парижский таксист для эмигрантов был неким символом России, русской “птицей-тройкой”. Эмигрантский писатель Б. Поплавский поэтически воспел русское такси в романе “Аполлон Безобразов”: “Эх, лети железный горбунок... Быстро, как пьяное счастье по пустыне жизни, по утренним улицам, быстро, как песня цыганская, как пуля английская, как доля пропащая... гони, железная тройка, догоняй утренний ветер, прошедший вечер... И ты, танцор судьбы, не смотри ни на себя в узкое автомобильное зеркало, ни брату своему в грязное заросшее лицо. Ибо мы сами знаем, как черны мы, как низки и слабы, мы в нищем хмелю, но мы все та же Россия, Россия-

дева, Россия-яблочко, Россия-молодость, Россия-весна. Это мы останемся, это мы вернемся, мы – нищие, молодые, добродушные, беззлобные братья собак и машин, друзья книг и бульварных деревьев...” (цит. по [Менегальдо, 2001, с. 205]).

Все эти тонкости жизни русских эмигрантов были неведомы и неинтересны рядовому европейцу, который прежде всего ценил порядок и стабильность в своей жизни. Тоска по России, трудолюбие и, одновременно, бесшабашность; терпение, мужество, честь, достоинство, с которым эмигранты переносили нужду, бездомность, – и способность в один вечер промотать в ресторане все заработанное, – все это непонятно и непривлекательно для европейца, не затрагивает его душу. Поэтому, в отличие от бытовой культуры повседневности, интенциональные жизненные миры русских эмигрантов и людей западного мира почти не соприкасаются – в первую очередь, по вине принимающих стран.

Лишь отдельные представители западной цивилизации (прежде всего из интеллектуальной элиты – русисты, слависты) проникались духом русской культуры и вследствие глубокого интереса и симпатии к русским эмигрантам начинали понимать их не только разумом, но и сердцем. Примечательны слова известного слависта Р. Гера, который в приватной беседе сказал мне, что ощущает себя “внебрачным сыном белой эмиграции”.

Жизнь русских эмигрантов в странах различных цивилизаций

Русская диаспора в Европе была нестабильной, постоянно шли процессы миграции – беженцы в поисках лучшей доли надеялись, что в другом месте жизнь устроится. Русский мир постоянно обменивался информацией о новых возможных местах поселения – отправляли письма, печатали статьи в газетах и журналах. Так, многие эмигранты в период мирового экономического кризиса засобирались в Парагвай. Там недавно окончилась продолжительная и тяжелая война с Боливией. Во главе парагвайского войска, одержавшего победу, оказался казак генерал И. Беляев. Провозглашенный национальным героем страны, он звал русских, рассеянных по всему свету, приехать восстанавливать страну и создать там русский очаг, чтобы сохранить в чистоте мораль, культуру, религию русской нации [Martynov, 2006]. Несколько тысяч русских эмигрантов отправились в Парагвай, многие там остались, в том числе один из внуков Л. Толстого Петр [Толстой, 1994, с. 199, 203].

Его отец М. Толстой перебрался в Марокко, куда еще раньше уехали его дети. Мировой экономический кризис мало коснулся этой страны, цены там были значительно ниже, чем в Европе, в том числе цены на землю, и многие русские эмигранты покупали кусочки земли и обустроивались поблизости от крупных городов – Рабата, Касабланки, а иногда и в сельской местности. Легче было в Марокко и с работой. Внук Л. Толстого Владимир, имевший диплом архитектора, быстро получил работу в строительной фирме. Муж внучки Толстого Татьяны А. Львов (мыкавшийся в Париже как рабочий на заводе Рено, а затем как таксист: работая, он закончил курс в школе Гриньон), получив диплом агронома, сразу нашел место в Министерстве сельского хозяйства Марокко. Позже и автор книги “Дети Толстого” С. Толстой перебрался в Марокко, где вскоре получил место главврача в гражданском отделении военного госпиталя [Толстой, 1994, с. 202–203, 211].

Русских в Марокко было много: топографы, геологи, инженеры, агрономы, врачи. Русские эмигранты стремились в Марокко воссоздать жизнь, хотя бы отдаленно похожую на жизнь в России: в Рабате была построена православная церковь, в домах русских быт устраивался, как в России. Примечателен рассказ С. Толстого о посещении дома русского эмигранта Дезобри, французские предки которого еще в XVIII в. переехали в Россию. В Марокко он построил большой дом по типу русской усадьбы, рядом поселились его друзья-эмигранты, через несколько лет на прежде полупустынных, а ныне цветущих землях выросла русская деревня, названная *Устиновкой* в память о поместье Дезобри в России. Гостей встретила чернокожая

Айша в одеянии, похожем на русский сарафан и на чистом русском языке пригласила войти, сказав: “Проходите в зал, я позову барыню и поставлю самовар” [Толстой, 1994, с. 209].

Судьбы потомков Л. Толстого и других эмигрантов, имевших привилегированных друзей и многочисленную родню, оказывающих помощь друг другу (в Марокко жили представители таких знаменитых фамилий, как Трубецкие, Шереметьевы, Оболенские, Гагарины), сложились лучше судеб многих эмигрантов, отправившихся в Северную Африку из Европы, сотрясаемой экономическим кризисом. Бездомные русские были вынуждены соглашаться на любую работу, в поисках которой они разбрелись по всей стране [Луконин, 2001, с. 55, 63].

Перебирались русские эмигранты в Тунис и Эфиопию, в Египет и Конго, а также в Японию, Австралию, Бразилию, в США и Канаду. Трудно сказать, удалось ли русской массовой культуре, которую несла Зарубежная Россия, пробить стену непонимания и недоверия, которой многие века была окружена наша страна, удалось ли ей изменить в лучшую сторону неоднозначный для иностранцев образ России. Ясно одно: то впечатление, которое оставляет русская культура во всех ее проявлениях за границей, ее образ, ореол – не забываются, не выветриваются из памяти представителей самых разных местных культур. Не случайно в каждой стране, где жили русские эмигранты, остались люди, искренне увлеченные русской культурой, сделавшей ее делом своей жизни. Русская культура вошла в мир повседневности многих народов.

Интересна судьба наследия Л. Толстого в Японии. Его дочь Александра прожила почти два года (конец 1929–1931 гг.) в этой стране по приглашению японских последователей учения Толстого. Оказалось, что толстовская теория нравственности близка и доступна широким массам японцев. В стране, где в то время уже 60 лет существовало обязательное всеобщее обучение и где главным предметом в образовании разных уровней была мораль, учение Толстого легло на благодатную почву. Книги писателя были переведены и издавались большими тиражами, их читали как горожане, так и крестьяне, возникла даже своеобразная община – секта толстовцев Иттоэн. В ней жили люди разных сословий, образования и материального достатка. Все они оставили свои прежние занятия, привычки, отказались от богатства и комфорта и жили в труде и простоте. Община насчитывала более тысячи человек, но на лекции А. Толстой, организованные руководством Иттоэн, приходили более трех тысяч [Толстая, 1992, с. 329, 344–349].

Потомок эмигрантов первой волны Ольга – преподаватель университета в Сиднее рассказала об эмигрантской судьбе своей семьи в Австралии. Сначала ее мать обосновалась в Германии, вышла замуж за немца, после смерти мужа переехала с дочерью в Тунис, где не смогла устроиться. По совету друзей переехала в Австралию, где жизнь постепенно наладилась. Ольга закончила университет. В семье говорят по-русски, но Ольга, побывав в Москве, говорит, что только в России чувствует себя “дома”. Несмотря на то, что до середины 1970-х гг. австралийское правительство проводило жесткую политику быстрой и полной ассимиляции иммигрантов, а в быту речь, обычаи, происхождение русских вызывали неприязнь местного населения, русские жители Австралии успешно интегрировались в австралийское общество, вошли в средний класс, а также, приложив огромные физические и духовные силы, построили свои церкви, школы, клубы. Главное – они сохранили свою русскость, свой язык и культуру и даже создали в Австралии “русский Парнас”, созвездие русских писателей и поэтов [Мельникова, 2008, с. 7, 27–61].

Жизнь русской эмиграции была полна тревог и лишений. Внутри эмигрантского сообщества хватало противоречий, амбиций, интриг и склок. Немало людей опустились, ожесточились, встречались “мальчики неясных профессий”, о которых писала Н. Ильина в своих воспоминаниях о жизни в Харбине и Шанхае. Многие из отчаявшихся шли, не видя иного выхода, в Иностранский легион, среди них было много бывших русских офицеров. Личностей, голода русские офицеры не боялись, они боялись

нищеты и “дна”, жизни среди человеческих подонков, боялись потерять нравственный стержень, опуститься. Иностраннный легион привычно связывается с негативной репутацией, однако по признанию иностранцев русские офицеры изменили “дух” легиона: “места авантюристов и жизненных неудачников заняли настоящие воины, искавшие только чести, хотя бы и под чужими знаменами” [Тарусский, 1938, с. 19].

* * *

Сегодня можно сказать, что история русского рассеяния – прежде всего история выполнения миссии по сбережению русской культуры, ее преумножения и развития, а также ее пропаганды и распространения. Силами русской эмиграции первой волны и ее потомками (при содействии друзей и почитателей русской культуры из многих стран) были переведены на различные языки почти все классики русской литературы, что ввело русскую литературу в круг чтения широких масс. Произведения Ф. Достоевского, И. Тургенева, Л. Толстого, выдержав десятки изданий, есть теперь во всех библиотеках мира. Русские писатели, оказавшиеся за рубежом, продолжили традиции русской литературы. Русский театр во всех его проявлениях – оперы, балета, драмы, декоративного театрального искусства – завоевал мировую сцену. Русская музыка – как классическая, так и эстрадная – настолько вошла в обиход, что русские произведения исполняются теперь в большинстве концертов, звучат в теле- и радиопередачах.

Несмотря на неизбежную интеграцию в культуры стран проживания многие русские эмигранты первой волны не стали американцами, англичанами, французами, немцами русского происхождения. Они оставались русскими, православными, верили в возрождение России, прожили свои жизни, одержимые Россией. Они существовали как бы в двух измерениях повседневности: в реальной, обыденной жизни с ее заботами и суетой – и одновременно в горячем ожидании возвращения в Россию, в свете которого реальная повседневная жизнь – лишь временное пристанище. Трагически и предельно точно выразил эту глубочайшую суть эмиграции первой волны Г. Адамович в 1936 г.:

Когда мы в Россию вернемся...
о, Гамлет восточный, когда? –
Пешком по размытым дорогам,
в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов,
без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы,
что вовремя мы добредем...

Эта болезненная любовь к России, любовь на грани жизни и смерти, непонятная большинству тех, кто живут в ней сегодня, берedit нас вопросами: какую же Россию мы на самом деле потеряли, если эти люди – цвет и гордость страны – так ее любили? Или, может быть, каких людей потеряла Россия?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2009.
Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. М., 1989.
Васильев А. Звезды и созвездия. Вместо предисловия // *Лопато Л.* Волшебное зеркало воспоминаний. М., 2003.
Васильев А. Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов первой волны: искусство и мода. М., 2006.
Газданов Г. Ночные дороги. Нью-Йорк, 1952.
Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998.
Давыдов С. Альфред Людвигович Бем (1886–1945?) и “русская Прага” // Записки Русской академической группы в США. Т. XXVII. New York, 1995.

- Зверев А.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа 1920–1940. М., 2003.
- Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
- Ковалевский П.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа Русского зарубежья за полвека. 1920–1970. Париж, 1971.
- Лопато Л.* Волшебное зеркало воспоминаний. М., 2003.
- Луконин Ю.В.* Марокканские будни изгнанников // Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. М., 2001.
- Луконин Ю.В., Новиков С.С.* Россияне в Тунисе // Русская диаспора в Африке, 20–50-е годы. М., 2001.
- Мельникова Н.А.* История русских в Австралии. Т. 11. Русский язык в Австралии. Сидней, 2008.
- Менегальдо Е.* Русские в Париже, 1919–1939. М., 2001.
- Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1994.
- Пушкарева Н.Л.* История повседневности // Энциклопедия “Кругосвет” (http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html).
- Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. Брюссель, 1938. № 213.
- Толстой С.М.* Дети Толстого. Тула, 1994.
- Толстая А.* Дочь. М., 1992.
- Тэффи Н.А.* Городок. Новые рассказы. Париж, 1927.
- Щепанская Т.Б.* Традиция городских субкультур // Современный городской фольклор. М., 2003.
- Щюцц А.* Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
- Юсунов Ф.* Мемуары. М., 2001.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs (N.J.), 1967.
- Martynov B.* El Paraguay Ruso: Romance sobre el general Beliaeff, personas y eventos del siglo pasado. Moscú, 2006.
- Schütz A.* Collected Papers. Vol. 1. Hague, 1962; Vol. 3. Hague, 1966.

© А.Мосейко, 2010